

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250

Научная статья / Research paper

А.А. Павлюченко*

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В последнее десятилетие цифровизация оказывает всё большее влияние на мировые политические процессы и становится устойчивым фактором международной жизни. Не стала исключением и дипломатическая практика, где всё большее распространение получает феномен цифровой дипломатии. В этом контексте особое значение приобретает задача совершенствования методов изучения данных процессов и явлений. В настоящей статье анализируются российские исследования цифровой дипломатии. Автор ставит перед собой цель выявить ключевые характерные для них методы, оценить их сильные и слабые стороны. В первом разделе статьи рассматриваются публикации, в которых применяется метод дискурс-анализа небольших по своему объёму международно-политических текстов или их фрагментов. Автор заключает, что такой дизайн позволяет успешно описать коммуникационные стратегии различных политических игроков, но подходит больше для исследований лингвистического профиля, так как не отвечает на волнующие политологов вопросы об эффективности инструментария цифровой дипломатии. Во втором разделе анализируются работы, опирающиеся на метод контент-анализа. Автор приходит к выводу, что, хотя данный метод позволяет обработать большой массив

* Павлюченко Александра Андреевна — старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8799-9817).

данных и снизить влияние субъективных факторов, он также не лишен недостатков, поскольку при его применении игнорируются визуальный компонент публикаций и более широкий контекст, в который те помещены. В третьем разделе в центре внимания находятся работы, в которых используется наиболее трудоемкий и требовательный к ресурсам и навыкам исследователя метод машинной обработки больших массивов данных (хештегов). Как отмечает автор, применение этого метода сопряжено с целым комплексом очень специфических трудностей методологического и чисто технического плана. В частности, речь идет о проблеме отсеивания ботов и иных способов манипуляции трафиком. В этом контексте автор приходит к выводу о целесообразности дальнейшего совершенствования методов изучения цифровой дипломатии за счет развития культуры аналитики данных и более активного использования наработок из иных дисциплин (филологии, социологии, культурологии и т.д.).

Ключевые слова: цифровая дипломатия, публичная дипломатия, дискурс-анализ, контент-анализ, анализ больших данных, цифровизация, социальные медиа, искусственный интеллект

Для цитирования: Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 225–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250.

Aleksanda A. Pavlyuchenko

DIGITAL DIPLOMACY IN RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES: RESEARCH METHODS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In the last decade, digitalization has had an increasing impact on the world political processes and is turning into an integral element of international life. Diplomatic practice, given the growing importance of the digital diplomacy, is no exception. In this context, the need for continuous improvement of the methods of studying these processes and phenomena is all the more pressing. This paper examines the key methods used in Russian studies on digital diplomacy, and identifies their strengths and weaknesses. The first section of the article covers publications built on the discourse analysis of small texts on international

policy or their excerpts. The author concludes that such an approach allows for a correct description of the communication strategies of various political players. However, it is more suitable for linguistic research, since it does not address the issues crucial for political scientists, namely those concerning the evaluation of the effectiveness of digital diplomacy tools. The second section considers the research works based on the content analysis. The author argues that although this method provides an opportunity to process a larger amount of data and to reduce the impact of subjective factors, it has its limitations, particularly, inability to take into account the visual component of publications and to place them within a wider information context. The third section focuses on the scholarly papers drawing on the most time-consuming and demanding method of Big Data (hashtags) processing. The author stresses that its application is fraught with a whole range of quite specific methodological and purely technical problems, in particular, screening out bots and other ways of traffic manipulation. Against this backdrop, the author advocates further improvement in the methods of studying digital diplomacy by fostering a culture of data analytics and making a more active use of developments from other disciplines (philology, sociology, cultural studies, etc.).

Keywords: digital diplomacy, public diplomacy, discourse analysis, content analysis, big data analysis, digitalization, social media, artificial intelligence

About the author: Aleksanda A. Pavlyuchenko — Senior Lecturer at the Chair of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8799-9817).

For citation: Pavlyuchenko A.A. 2024. Digital diplomacy in Russian international studies: Research methods. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 225–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250. (In Russ.)

Цифровая дипломатия (ЦД) — одно из самых быстро развивающихся направлений международных отношений. Несмотря на то что первые работы, посвященные ЦД, появились на рубеже XX–XXI вв. [Dizard, 2001], широкий интерес к ее изучению в академическом и экспертном сообществе можно фиксировать с 2011 г., когда она стала фигурировать в официальных документах Государственного департамента США¹. При этом ввиду цифровизации всех сфер ди-

¹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 — Digital Diplomacy // U.S. Department of State (archive). 01.09.2010. Available at: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (accessed: 25.12.2024).

пломатической деятельности, начиная с переговоров и заканчивая повседневными задачами дипломатов, вопрос об измерении эффективности ЦД и методологии ее изучения становится всё более актуальным.

Для определения ЦД существуют два основных подхода — широкий и узкий [Павлюченко, 2024]. Первый основан на стремлении охватить максимально широкий спектр вопросов ЦД (эволюция соответствующих институтов, стратегии внедрения цифровых технологий в дипломатическую практику и т.п.), в то время как в рамках второго исследователи сконцентрированы на проблемах использования цифровых технологий для влияния на общественное мнение за рубежом или в целях публичной дипломатии [Зиновьева, 2013]. Два главных элемента данного подхода — это изучение каналов коммуникации и оценка работы с общественным мнением. Таким образом, в этом определении в центр внимания исследователей поставлены вопросы использования социальных сетей, например Твиттера, и веб-сайтов [Павлюченко, 2024]. В рамках данной статьи мы будем опираться именно на это, узкое определение ЦД.

Законодателями мод в области изучения ЦД можно назвать исследователей Оксфордского университета И. Мэнор, К. Бьюла и М. Холмс [Manor, 2019; Bjola, Holmes, 2015]. За их авторством вышли наиболее цитируемые монографии в данной области. Кроме того, можно отметить работы ученых из Клингендальского института международных отношений — Б. Хокинга и Я. Мелиссона [Hocking, Melissen, 2015]. В экспертном сообществе большим авторитетом пользуются публикации DiploFoundation [Jacobson et al., 2018]. Именно на работы указанных авторов и экспертных центров чаще всего ссылаются в зарубежных и российских исследованиях. Следует отметить, что отечественные исследователи цитируются в российском академическом сообществе значительно реже иностранных коллег. На наш взгляд, это препятствует формированию российской школы изучения ЦД, для которой был бы характерен свой набор методов и теоретических подходов.

В российских международно-политических исследованиях ЦД рассматривается прежде всего как составляющая публичной дипломатии. В данном контексте следует выделить публикации О.В. Лебедевой и И.В. Сурмы [Лебедева, 2019; Сурма, 2014, 2020], а также работы, посвященные ЦД отдельных стран: США [Цветкова, 2020b; Цветкова и др., 2022] (в том числе изучение истории

внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Государственном департаменте США [Теленьга, 2020; Гришанина, 2021b; Павлюченко, 2023]), России [Марчуков, 2014; Tsvetkova, 2020] и Швеции [Марчуков, 2021]. Особую актуальность в условиях усилившегося геополитического соперничества приобретает работа Е.А. Шур, в фокусе которой оказалась ЦД США в Индии [Шур, 2021]. Вопрос о влиянии ИКТ на публичную дипломатию поднимают также Т.В. Зонова [Зонова, 2015] и П.А. Шариков [Шариков, 2023].

Кроме того, ЦД стала объектом изучения в контексте национальной безопасности. Можно отметить, что вопрос влияния ЦД на государственный суверенитет был поднят в отечественной литературе в 2012 г. Д.Н. Барышниковым и А.Ю. Туленковым [Барышников, Туленков, 2012]. Позже к данной проблематике обратилась и Е.С. Зиновьева [Зиновьева, 2013].

Следует обратить внимание и на работы, посвященные проблеме влияния цифровизации на переговорный процесс. Вопросы медиации в цифровую эпоху рассмотрели в ряде статей Ю.А. Никитина и К.К. Таран [Никитина, Таран, 2021], а М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева отметили, что первые шаги в изучении международных переговоров с помощью компьютерного моделирования были предприняты в МГИМО² еще в 1981 г. В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым [Лебедева, Зиновьева, 2023].

В последние годы особенно актуальным стал вопрос датафикации и внедрения искусственного интеллекта в дипломатическую деятельность. В данном контексте стоит отметить работы уже упоминавшихся исследователей: Т.А. Гришаниной [Гришанина, 2021a], А.Н. Сытник, Н.А. Цветковой и И.А. Цветкова [Сытник и др., 2022], Кузнецова [Кузнецов, 2020], а также недавний доклад, опубликованный сотрудниками МГИМО [«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии..., 2024].

Наименее изученным остается «человеческое измерение» ЦД, однако и оно рассматривается в некоторых работах. Так, Л.Е. Бушканец и Л.Б. Шигин в своей публикации отразили опыт подготовки специалистов по программе «Цифровая дипломатия» на базе Института международных отношений Казанского федерального университета [Бушканец, Шигин, 2021], а К.Л. Зуйкина провела социологическое

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — *Прим. ред.*

исследование российской молодежи, изучая вопрос о потенциале ЦД как инструмента оказания влияния на нее [Зуйкина, 2014].

Несмотря на то что первые научные публикации, посвященные ЦД, появились еще в 2012 г., основная масса работ на данную тему до сих пор носит обзорный характер: авторы описывают эволюцию и институты ЦД, стратегические документы, регламентирующие ее функционирование, однако непосредственный анализ материалов, размещаемых в открытом доступе посольствами и внешнеполитическими ведомствами, или реакции на них аудитории по-прежнему содержится в небольшом количестве исследований.

Отчасти это объясняется необходимостью привлечения специфического программного обеспечения, для работы с которым требуется специальное обучение. С учетом больших объемов данных, которые ЦД предоставляет для анализа, вопрос о методах ее изучения становится тем более актуальным.

Данному вопросу посвящена статья Н.А. Цветковой «Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения». В ней выделены такие методы, как «анализ хештега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), sentiment-анализ (sentiment analysis), а также анализ мнений и взглядов (opinion mining)» [Цветкова, 2020а: 37]. Дальнейшее развитие данной идеи можно найти в диссертации А.Н. Сытник «Цифровизация и “большие данные” в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты» [Сытник, 2021]. Она выделила три группы автоматизированных методов анализа больших массивов текстов в социальных сетях. «В первую группу входят классификация, кластеризация и тематическое моделирование. Вторая группа состоит из sentiment-анализа (то есть анализа настроений) и извлечения мнений. Третья группа — это извлечение объектов и фактов» [Сытник, 2021: 152]. Важно отметить, что автор пишет именно о работе с большими данными. Однако основная часть исследований ЦД основана на более простых в реализации методах.

Например, З. Шахуд в своей диссертации «Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире» опирался на количественные методы анализа динамики публикаций, чтобы отследить активность российских посольств на Ближнем Востоке [Шахуд, 2020].

В свою очередь Н.В. Новиков в диссертации «Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии» продемонстрировал кардинально

другой подход, используя лингвистические методы для анализа малых данных. Автор выделил несколько основных коммуникативных стратегий ЦД: информационные стратегии, оценочные стратегии, стратегии позитивной репрезентации и аргументативные стратегии [Новиков, 2017].

Следует отметить, что проблематика ЦД находится на стыке нескольких научных дисциплин: с одной стороны, ее исследуют политологи, а с другой — филологи (это нашло отражение, в частности, в том обстоятельстве, что первая диссертация в России, посвященная ЦД, была защищена именно по научной специальности «Филология»). Как следствие, в публикациях по теме ЦД могут применяться методы из разных научных дисциплин. Однако работы филологов часто остаются вне поля зрения политологов и наоборот [Новиков, 2017].

В этом контексте в рамках данной статьи автор ставит перед собой две взаимосвязанные задачи: во-первых, выявить ключевые методы, используемые российскими исследователями ЦД; во-вторых, оценить их преимущества, недостатки и специфику применения.

Для решения этих задач автором были проанализированы публикации, посвященные проблематике ЦД и размещенные на платформе eLibrary. Исследование реализовывалось в несколько этапов. На первом этапе были отобраны все публикации по данной тематике за 2011–2023 гг. В качестве критерия отбора использовалось ключевое слово «цифровая дипломатия» с учетом морфологии, в общей сложности была проанализирована 631 работа. Далее из выборки были исключены тезисы конференций объемом до 5 страниц и статьи, находящиеся в закрытом доступе, а также студенческие работы. Затем публикации рассматривались по годам. Из выборки исключались работы без четкого описания методов исследования, а также «обзорные» статьи, в которых не был изучен эмпирический материал (публикации в социальных сетях, на сайтах и т.п.).

Оставшиеся статьи были разделены на три группы в зависимости от того, какие методы использовались при их написании. В первую группу вошли исследования, базирующиеся на методе дискурс-анализа малых данных, во вторую — работы, построенные на тематическом контент-анализе средних данных, в третью — статьи, основанные на анализе хештега с применением больших данных. Рассмотрим эти три группы подробнее.

Дискурс-анализ в исследовании цифровой дипломатии

Интерес к изучению публикуемого дипломатами контента у представителей филологических наук появился чуть раньше, чем это произошло в политологии. С точки зрения лингвистики дипломатический дискурс представляет собой один из видов институционального дискурса, и его трансформация на фоне появления новых форматов коммуникации дипломатов особенно интересна для филологической науки. В рассматриваемый период первые российские публикации на эту тему были зафиксированы в 2019 г. Для них характерно применение дискурс-анализа небольших текстов. В среднем в них детально рассматриваются от 8 до 20 публикаций или их отрывков на предмет изучения коммуникативных стратегий внешнеполитических ведомств и отдельных дипломатов.

Одной из первых работ стала статья Е.Н. Горбачёвой «Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений)» [Горбачёва, 2019]. В публикации ставилась цель изучить способы манифестации перформативности (реальности), характерные для дискурсов ЦД и традиционной дипломатии. В качестве эмпирического материала автор использовала два источника: дипломатические заявления, размещенные на сайтах внешнеполитических ведомств России и США, которые можно рассматривать как пример традиционного дипломатического дискурса, и публикации в Твиттер-аккаунтах³ соответствующих ведомств, президента США Д. Трампа и спикера МИД РФ М.В. Захаровой. Возможно, для «симметрии» исследования было бы резонно выбрать в качестве примера публикаций ЦД США аккаунт кадрового дипломата, а не Д. Трампа. Однако и он, и М.В. Захарова являются яркими представителями современной культуры ЦД, что делает выбор Е.Н. Горбачёвой вполне оправданным. В целом автор разграничивает цифровую и традиционную дипломатию, относя к первой только социальные сети. Таким образом, по ее мнению, цифровым дискурс делает не сам факт наличия его в оцифрованном виде, а реализация его на уникальных для цифровой среды платформах и в присущих только ей форматах.

³Здесь и далее. Доступ к Twitter (с 24 июля 2023 г. — «X») на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации.

Е.Н. Горбачёва в своей работе не очерчивает четко временные рамки исследования, но в общей сложности приводит в качестве примеров 16 фрагментов дипломатических заявлений, охватывающих период с 2016 по 2018 г., при этом каждый фрагмент выступает как иллюстрация той или иной речевой стратегии с присущими ей оценочными высказываниями, призывами к действию, эмоциональностью и прочими коммуникативными инструментами.

В результате сравнительного анализа традиционного и цифрового дискурса Е.Н. Горбачёва приходит к выводу, что оба схожи в том, «что в них фактуализируются одни и те же аспекты межгосударственных отношений (согласие, взаимопонимание, стремление к взаимопомощи, противоречия, недопонимание и т.п.)» [Горбачёва, 2019: 169]. Однако ЦД предоставляет дипломатам новые коммуникативные инструменты. Помимо традиционных «одобрения/неодобрения, согласия/несогласия, предостережения, призыва, критики и других речевых действий» дипломаты получили возможность использовать «орудия» информационной войны, такие как угроза, обвинение, оскорбление» [Горбачёва, 2019: 169]. При этом значимость дискурса ЦД, по мнению автора, ниже традиционной дипломатии с точки зрения манифестации перформативности (языкового осуществления поступка), так как адресант имеет возможность завуалировать свои интенции.

Тема коммуникативных стратегий американской ЦД поднимается и в работе П.Ю. Ганжелюк и С.С. Тахтаровой [Ганжелюк, Тахтарова, 2019]. Авторы поставили перед собой задачу выделить основные речевые стратегии в дискурсе ЦД США. С этой целью в статье был проведен дискурс-анализ 8 публикаций Твиттер-аккаунтов Д. Трампа, государственного секретаря США М. Помпео и Государственного департамента США. Основываясь на типологии речевых стратегий Г.П. Грайса и О.С. Иссерс, авторы выделили три основные стратегии, которые используются американскими дипломатами в социальной сети Твиттер: информативную, оценочную (посредством положительной репрезентации или диффамации) и аргументативную, что, по мнению авторов, является эффективным средством формирования позитивного имиджа и воздействия на значимую целевую аудиторию.

Данная тема получила развитие в исследовании И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой, но, в отличие от предыдущих работ, в центре вни-

мания авторов находились коммуникативные информационные стратегии Великобритании, а именно Твиттер-аккаунт министра иностранных дел Б. Джонсона [Кауфова И.Б., Кауфова Л.А., 2020: 178]. В общей сложности в статье было проанализировано 15 публикаций, охватывающих период с конца марта до середины июля 2020 г. По мнению авторов, они отражают три основные коммуникативные стратегии: 1) отбор определенной информации; 2) ее детальное развитие; 3) замалчивание некоторых фактов (стратегия умолчания).

В работе А. Мешаала риторика Б. Джонсона была сопоставлена с риторикой С.В. Лаврова на предмет использования смягчающих речевых тактик [Мешаал, 2022]. В качестве эмпирического материала автор исследовал официальные заявления Б. Джонсона и С. Лаврова, размещенные на сайтах внешнеполитических ведомств, что кардинально отличает его подход от всех упомянутых ранее авторов, которые относили подобные публикации к традиционной дипломатии. Всего было использовано 11 материалов, охватывающих период с 2018 по 2020 г.

Статья А. Мешаала подсвечивает одну из главных проблем, с которой сталкиваются как филологи, так и политологи при изучении ЦД: как именно отграничить ее от традиционной дипломатии. А. Мешаал в своей работе признаком ЦД считает размещение тех или иных заявлений в сети Интернет. Другие исследователи, в частности упоминавшаяся Е.Н. Горбачёва, относят к ЦД только публикации в социальных сетях. Как представляется, второй подход более корректен, поскольку точнее отражает специфику рассматриваемого явления.

В своей статье А. Мешаал не столько сравнивает высказывания обоих министров иностранных дел, сколько использует их для иллюстрации пяти так называемых смягчающих тактик: «неопределенная ссылка» (позволяет не называть прямо объект действия или само действие), «смягчение литот», «эвфемические замены», «смысловое ограничение» и «ограничение модуса». Автор приходит к заключению, что цифровизация незначительно повлияла на дипломатический дискурс. Тем самым А. Мешаал фактически лишь подтверждает вывод Е.Н. Горбачёвой, что размещенные на сайтах дипломатические заявления не являются на самом деле примером дискурса ЦД.

В целом статьи, в которых проблематика ЦД рассматривается через линзы дискурс-анализа, принадлежат главным образом фило-

логам. Такие исследователи сосредоточены в первую очередь на вопросах типологизации коммуникативных стратегий ЦД внешнеполитических ведомств и политиков, выявлении их особенностей. Эмпирическую базу при этом составляет небольшая по объему подборка публикаций или отрывков из них, охватывающих значительный временной отрезок.

Как представляется, данный дизайн исследования оптимально подходит для изучения дискурса ЦД и ориентируется на качественный анализ. Однако он не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед собой представители политических наук. Например, с помощью данного метода невозможно оценить эффективность ЦД, кроме того, за рамками исследования остается большой объем публикаций.

Контент-анализ на средних данных в исследованиях цифровой дипломатии

В свою очередь для политологического сообщества более характерно использование контент-анализа. Вероятнее всего, причиной его популярности стала возможность проанализировать большие объемы данных и минимизировать влияние субъективных факторов при подборе публикаций. Более того, иногда вместе с контент-анализом авторы применяют различные метрики вовлеченности аудитории, что позволяет более комплексно оценивать эффективность ЦД посольств.

Серьезным толчком для исследования рассматриваемой темы стала пандемия COVID-19 ввиду масштабного внедрения ИКТ и перенесения дипломатической деятельности в онлайн-формат. В статье А.А. Павлюченко был проведен сравнительный анализ публикаций внешнеполитических ведомств, посольств и послов США и Германии в Великобритании в период пандемии [Павлюченко, 2020]. Для решения этой задачи были отобраны публикации, содержащие тематический хештег «COVID-19». В общей сложности в ходе исследования с применением тематического контент-анализа было проанализировано 3046 публикаций за период с января по июнь 2020 г., т.е. с момента выявления первых случаев заражения до снятия режима ковидных ограничений в Великобритании.

Далее был проведен тематический анализ и выделено пять групп публикаций: «информационные», «политические», «побудительные»,

«позитивные» и «гуманитарная помощь». Анализ публикаций проводился вручную без использования программного обеспечения. Кроме количественных показателей был затронут вопрос о визуальной составляющей публикаций и их общей характеристике, т.е. можно говорить о применении смешанных методов в данной работе.

В результате исследования автор пришла к выводу, что публикации американского посольства носили по преимуществу имиджевый характер, в то время как материалы посольства Германии были более утилитарными и чаще были посвящены вопросам эвакуации граждан. Иными словами, два посольства в своих стратегиях преследовали разные цели, что отражалось в характере и тематике публикаций.

Вопрос об особенностях ЦД в период пандемии был поднят и в статье И.Е. Денисова, А.Р. Дагаева и С.П. Султанаева [Denisov et al., 2021], в которой авторы провели сравнительный тематический контент-анализ аккаунтов посольств Китая, Кореи и Японии в социальных сетях. Было проанализировано 2128 публикаций с января 2020 г. по 1 января 2021 г. В качестве первого шага были исследованы базовые метрики активности аккаунтов посольств изучаемых стран в Twitter, VKontakte, Facebook⁴ и YouTube: общее количество подписчиков, количество публикаций, «лайков», просмотров и «репостов» в день. Кроме того, авторами были подсчитаны и проанализированы такие метрики, как ежедневная вовлеченность аудитории (ER day) и вовлеченность аудитории на один пост (ER post).

Вторая часть исследования представляла собой количественный контент-анализ. В результате авторы заключили, что ЦД Китая во многом носила реактивный характер, а посольства выполняли функцию «информационных посредников, распространяющих официальную информацию из других источников без ее комментирования» [Denisov et al., 2021: 287], в то время как посольства Японии и Кореи активно использовали в ЦД свою популярную культуру, а политическая повестка отходила на второй план [Denisov et al., 2021].

Изучение данной темы продолжили в своей статье К.С. Кравцов и Е.Д. Соболева: в фокусе их исследования оказалась ЦД КНР в Африке на платформе Facebook. В качестве метода авторы выбрали фрейм-анализ, проводившийся в несколько этапов на материалах

⁴Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

295 публикаций в аккаунтах посольств в Кении, Алжире, ЮАР, Египте и Судане за 2019–2021 гг. (на официальных языках этих стран: английском, арабском и французском). Ввиду ограниченности возможностей данного метода, не позволяющего проанализировать несколько тысяч публикаций без привлечения большой команды исследователей, статьи подбирались случайным способом.

Для выделения фреймов, подходящих для целей конкретного исследования, был использован индуктивный метод. В рамках первого этапа авторы при чтении публикаций, посвященных сотрудничеству КНР и африканских стран, фиксировали повторяющиеся идеи и лексику, указывавшие на то, как такое взаимодействие интерпретируется, и присваивали таким интерпретациям определенный код [Кравцов, Соболева, 2023: 7]. На втором этапе на основе выделенных кодов был составлен список фреймов, с помощью которого все исследуемые публикации были повторно закодированы. Авторы использовали холистский подход, т.е. «кодировалось наличие или отсутствие медиафрейма в целом, а не его отдельных индикаторов» [Кравцов, Соболева, 2023: 7].

В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу о схожести фреймов, используемых в китайской ЦД и в официальных китайских СМИ, и отметили наличие тенденции к адаптации контента под специфику аудитории аккаунтов: «Например, подписчикам китайских посольств в арабских странах рассказывают о роли КНР в решении конфликта Израиля и Палестины и про празднование исламских праздников в СУАР» [Кравцов, Соболева, 2023: 16].

В целом метод тематического контент-анализа (или схожий по подходу анализ фреймов) можно назвать одним из самых универсальных. К его достоинствам относится возможность охватить в исследовании средние объемы данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций). К этому следует добавить отсутствие необходимости в применении специализированного программного обеспечения. Кодирование, как и отбор публикаций, можно проводить вручную. Исключением может быть только применение специализированного инструментария для использования отдельных метрик.

Однако данный метод имеет и недостатки. Так, он не позволяет анализировать визуальную составляющую публикаций, а кроме того, дает возможность изучать только отдельные источники информации в отрыве от более широкого контекста.

Анализ хештегов на больших данных в изучении цифровой дипломатии

Следует отметить, что все отечественные работы, которые удалось найти при подготовке этого исследования и в которых применялись машинные методы обработки больших массивов данных (несмотря на сложность определения того, какие данные можно считать большими), принадлежат представителям Санкт-Петербургского государственного университета.

Одним из самых ярких примеров использования данного метода в контексте рассматриваемой темы можно назвать работу «Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов» А.Н. Сытник, Н.А. Цветковой и И.А. Цветкова [Сытник и др., 2022]. Исследование состояло из нескольких этапов. В рамках первого этапа авторы выгрузили машинным способом 10 млн публикаций социальной сети Твиттер, содержавших хештег «Венесуэла» на английском и испанском языках за период с декабря 2018 г. по март 2019 г., когда противостояние между сторонниками Х. Гуайдо и Н. Мадуро в интернете достигло кульминации, а оба политика вели активную деятельность по мобилизации общественной поддержки. Далее из пула публикаций было выделено 250 постов, принадлежавших наиболее популярным блогерам, а также 1000 наиболее популярных аккаунтов за каждый день. Авторы не описали, какие именно метрики они использовали, но можно предположить, что применялись метрики ER (вовлеченность аудитории). На следующем этапе была выявлена доля американских правительственных аккаунтов.

В результате авторам удалось проанализировать долю американских каналов ЦД в общем пуле популярных аккаунтов в Венесуэле. Исследователи установили, что американские правительственные аккаунты не пользовались большой популярностью у местной аудитории и не смогли сыграть большую роль в венесуэльском кризисе. Во многом это стало следствием существования в стране широкой и разветвленной сети лидеров общественного мнения, а чем больше такая сеть, тем меньше шансов остается у «внешних игроков — США, России, Китая или Европы — оказывать влияние на венесуэльцев» [Сытник и др., 2022: 201].

Еще одним ярким примером использования методов работы с большими данными может служить исследование Т.А. Гришани-

ной «Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях», в рамках которой с применением инструментария Popsters и SemanticForce был проведен анализ ключевых слов и тональности американских каналов ЦД в Иране [Гришанина, 2022]. В отличие от предыдущих работ, в которых рассматривалась только одна социальная сеть, в данном случае было выполнено кросс-платформенное исследование, опиравшееся на данные, собранные из Facebook, Twitter и Telegram. В общей сложности Т.А. Гришанина проанализировала 5203 поста из 14 аккаунтов ЦД США, из них 1259 в Telegram, 2568 в Twitter и 1376 в Facebook; 745 постов — в каналах Д. Трампа, 383 — Госдепартамента США, 89 — госсекретаря М. Помпео, 67 — пресс-секретаря М. Ортагус, 80 — посольства США в Иране, 2492 — «Голоса Америки Фарси», 1347 постов — «Радио Фарда» в период с 1 по 15 января 2020 г. Выбор такого ограниченного хронологического отрезка позволил автору увеличить количество привлеченных платформ и аккаунтов.

В своем исследовании Т.А. Гришанина поставила перед собой задачу выяснить, каким образом США используют каналы ЦД для формирования общественного мнения и какие из них можно назвать самыми влиятельными. На первом этапе с помощью платформ Popsters и SemanticForce была произведена выгрузка публикаций. Далее они были проанализированы с точки зрения тональности упоминаемых слов (негативная, нейтральная и позитивная). Каждый из каналов был рассмотрен отдельно. Исследование показало, что хотя «самыми медиаактивными оказались каналы вещания и информационной поддержки политики США в Иране, наиболее влиятельным стал, несомненно, Twitter Д. Трампа, вторым по влиянию оказался Facebook 45-го президента США, довольно значительную активность проявляли пользователи Telegram «Голоса Америки Фарси» [Гришанина, 2022: 214].

Анализ хештега на больших данных можно назвать одним из наиболее редких методов изучения ЦД в российском академическом сообществе ввиду необходимости как профильного программного обеспечения, так и базовых навыков программирования и владения основами аналитики данных. Это повышает «порог входа» для исследователей, особенно если сравнивать его с контент-анализом, который можно провести вручную. Следует также добавить, что использование этого метода сопряжено и с рядом очень специфических трудностей методологического и чисто технического плана.

В частности, речь идет о проблеме отсеивания ботов и иных способов искусственной манипуляции трафиком. Этот вопрос на данный момент является одним из самых важных для исследователей ЦД. А.Н. Сытник в качестве возможного решения данной проблемы предлагает использовать коэффициент манипулирования трафиком (СТМ), разработанный Оксфордским интернет-институтом и рассчитываемый по формуле: $STM = U + R/10 + F$, где « R — это процент ретвитов, F — это процент трафика от топ-пятидесяти пользователей, а U — среднее количество твитов на пользователя. Значение СТМ более 12 обычно означает наличие манипулируемого трафика» [Сытник, 2021: 215]. Однако данный метод нельзя назвать универсальным, поэтому чаще всего этот вопрос остается за скобками исследования. Подробнее с проблематикой метрик при оценке ЦД можно ознакомиться в совместной статье М.М. Базлуцкой, Н.А. Цветковой и А.Н. Сытника [Базлуцкая и др., 2024].

В то же время анализ хештега, на наш взгляд, обладает наибольшим потенциалом для исследований международных отношений, поскольку позволяет проверить на больших массивах данных «масштабные» гипотезы, что невозможно сделать иными методами. Для развития культуры аналитики данных в политологической науке в будущих исследованиях рекомендуется больше внимания уделять их техническим аспектам для совершенствования их общей методологии. Кроме того, было бы полезно публиковать в открытом доступе дата-сеты подобных исследований для составления на их основе архивов обработанных данных.

* * *

В рамках проведенного исследования было выделено три основных метода, применяемых в российском академическом сообществе при изучении ЦД, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками.

Так, дискурс-анализ в большей степени пригоден для работы с малыми данными. Он позволяет провести типологизацию коммуникативных стратегий ЦД внешнеполитических ведомств и отдельных политиков, выявить их особенности, используя в качестве иллюстративных примеров выборку из небольшого объема публикаций или отрывков из них. Данный дизайн исследования оптимален для изучения дискурса ЦД и носит описательный характер. Однако он не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед со-

бой представители политических наук. Например, с помощью этого метода невозможно оценить эффективность ЦД и проблематично работать с большими объемами публикаций.

Второй наиболее распространенный метод — тематический контент-анализ. Он позволяет проанализировать как региональную контент-стратегию (например, при изучении публикаций нескольких посольств), так и стратегию отдельного актора и разработать рекомендации по ее тематическому наполнению. В комплексе с метриками вовлеченности данный метод имеет большой потенциал не только как инструмент академического исследования, но и как средство политического консультирования. Достоинствами метода являются возможность охватить достаточно большой объем данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций), а также отсутствие необходимости в освоении специализированного программного обеспечения. К числу его основных недостатков можно отнести то, что он не позволяет проанализировать визуальную составляющую публикаций.

Наконец, большим потенциалом обладает метод анализа хештега, опирающийся на анализ больших данных. Данный метод больше всего подходит для проверки исследовательских гипотез или разработки глобальных стратегий, например, связанных с выявлением лидеров общественного мнения в блогосфере отдельного региона или с анализом общественных настроений по конкретному вопросу. Небезынтересна перспектива применения данной методологии в комплексе с генеративным искусственным интеллектом, как было показано в работе М.М. Базлуцкой и А.Н. Сытник [Базлуцкая, Сытник, 2024]. В то же время важно отметить, что при использовании данного метода остро встают вопросы, связанные с выявлением и оценкой фактов манипуляции информационным трафиком.

В целом можно констатировать, что российские исследователи ЦД в настоящий момент используют три основные группы методов, позволяющих решать разнообразные научные задачи. С учетом объема эмпирического материала, который предоставляет для анализа ЦД, дальнейшее совершенствование методологии ее изучения, на наш взгляд, лежит в направлении междисциплинарных исследований, привлечения методов филологии, социологии, культурологии и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4. С. 63–85. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85.
2. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17 (4). С. 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82.
3. Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 121–128.
4. Бушканец Л.Е., Шигин Л.Б. Обучение интерактивным практикам в процессе подготовки студентов по направлению «Цифровая дипломатия» для работы в ситуационных центрах: Instagram политического деятеля // Вестник НЦ БЖД. 2021. № 4 (50). С. 55–69.
5. Ганжелюк П.Ю., Тахтарова С.С. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитплатии) // Terra Linguae: Сборник научных статей / Науч. ред. Д.Р. Сабирова. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 20–26.
6. Горбачёва Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 164–169.
7. Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 4. С. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18.
8. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009–2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 4. С. 682–688. DOI: 10.30853/mns210141.
9. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара в СПбГУ, 17–19 мая 2021 г. / Под ред. Н.А. Цветковой, Ю.К. Богуславской, Т.А. Гришаниной. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 209–217.
10. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 213–228.

11. Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // *Право и управление. XXI век.* 2015. № 3 (36). С. 176–183.
12. Зуйкина К.Л. Цифровая дипломатия Госдепартамента США: эффективность воздействия на зарубежную аудиторию (опыт социологического исследования в России) // *Меди@льманах.* 2014. № 3 (62). С. 50–57.
13. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании // *Современные исследования социальных проблем.* 2020. Т. 12. № 5. С. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192.
14. Кравцов К.С., Соболева Е.Д. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика.* 2023. Т. 48. № 4. С. 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.320.
15. Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии // *Актуальные вопросы мировой политики: Сборник научных статей / Под ред. О.В. Архиповой, И.И. Климина.* СПб.: НИЦ «Пересвет», 2020. С. 52–64. DOI: 10.46987/0920112020_52.
16. Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // *Международная жизнь.* 2019. № 5. С. 102–111.
17. Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23. № 1. С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156.
18. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2014. Т. 6. № 3. С. 95–114.
19. Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2021. Т. 13. № 4. С. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181.
20. Мешаал А. Непреходящее место смягчающих тактик в цифровом дипломатическом дискурсе (анализ выступлений С. Лаврова и Б. Джонсона) // *Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Д.С. Лукин.* М.: МГОУ, 2022. С. 167–173.
21. Никитина Ю.А., Таран К.К. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху // *Пути к миру и безопасности.* 2021. № 1 (60). С. 11–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-11-28.

22. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.

23. Павлюченко А.А. Информационная деятельность в Twitter-аккаунтах внешнеполитических ведомств Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия в Великобритании в условиях пандемии COVID-19 // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 28–37.

24. Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3 (28). С. 69–81.

25. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 99–109. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.99.

26. Сурма И.В. Цифровая дипломатия. М.: Сам полиграфист, 2020.

27. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 53–60.

28. Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2021.

29. Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16.

30. Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // Americana. 2020. № 16. С. 250–267.

31. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

32. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики: Ежегодный альманах. Т. 10 / Глав. ред. Т.С. Немчинова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2020. С. 432–443. DOI: 10.21638/11701/26868318.29.

33. Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174–196. DOI: 10.21638/spbu06.2022.204.

34. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Под ред. Е.С. Зиновьева. М.: МГИМО-Университет, 2024.

35. Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и ми-

ровая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187.

36. Шахунд З. Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2020.

37. Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия в Индии при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 72–80.

38. Bjola C., Holmes H. Digital diplomacy: Theory and practice. New York: Routledge, 2015.

39. Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2021. Vol. 26. No. 26. P. 274–290. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-274-290.

40. Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Westport: Praeger, 2001.

41. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the digital age. The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2015.

42. Jacobson B.R., Höne K.E., Kurbalija J. Data diplomacy: Updating diplomacy to the big data era. Geneva: DiploFoundation, 2018.

43. Manor I. The digitalization of public diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

44. Tsvetkova N.A. Russian digital diplomacy: A rising cyber soft power? // Russia's public diplomacy: Evolution and practice / Ed. by A.A. Velikaya, G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 103–117.

REFERENCES

1. Bazlutskaya M.M., Sytnik A.N. 2024. Transmediiinoe вовлечение: freim-analiz tsifrovoy diplomatii SShA v Rossii pri pomoshchi iskusstvennogo intellekta [Transmedia engagement: AI-driven frame analysis of the U.S. digital diplomacy in Russia]. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, no. 4, pp. 63–85. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85. (In Russ.)

2. Bazlutskaya M.M., Sytnik A.N., Tsvetkova N.A. 2024. Vovlechennost' auditorii kak pokazatel' effektivnosti tsifrovoy diplomatii [Evaluating audience engagement as a measure of digital diplomacy effectiveness]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 17 (4), pp. 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82. (In Russ.)

3. Baryshnikov D.N., Tulenkov A.Yu. 2012. 'Tsifrovaya diplomatiya' i gosudarstvennyi suverenitet v epokhu globalizatsii ['Digital' diplomacy and the state sovereignty at the age of globalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*.

Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya, no. 4, pp. 121–128. (In Russ.)

4. Bushkanets L.E., Shigin L.B. 2021. Obuchenie interaktivnym praktikam v protsesse podgotovki studentov po napravleniyu 'Tsifrovaya diplomatiya' dlya raboty v situatsionnykh tsentrakh: Instagram politicheskogo deyatelya [Teaching interactive practices for 'digital diplomacy' programs students for future working in situation centers: Instagram of a political figure]. *Vestnik NTs BZhD*, no. 4 (50), pp. 55–69. (In Russ.)

5. Ganzheliyuk P.Yu., Takhtarova S.S. 2019. Kommunikativnye strategii diskursa tsifrovoi diplomatii (na materiale amerikanskoi tvitplomatii) [Communicative strategies of the digital diplomacy discourse (based on the materials of American diplomacy)]. In: Sabirova D.R. (ed.). *Terra Linguae: Sbornik nauchnykh statei* [Terra Linguae: Collection of scientific articles]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., pp. 20–26. (In Russ.)

6. Gorbacheva E.N. 2019. Tsifrovaya diplomatiya vs traditsionnaya diplomatiya s pozitsii diskursivnoi performativnosti (na materiale anglo- i russkoyazychnykh diplomaticheskikh zayavlenii) [Digital diplomacy vs traditional diplomacy from the perspective of discursive performativity (based on diplomatic statements in English and Russian)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (138), pp. 164–169. (In Russ.)

7. Grishanina T.A. 2021a. Iskusstvennyi intellekt v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: rol' i napravleniya issledovaniya [Artificial intelligence in international relations: Role and research dimensions]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18. (In Russ.)

8. Grishanina T.A. 2021b. Tsifrovaya diplomatiya SShA v 2009–2020 gg. v svete razvitiya innovatsionnykh tekhnologii [The US digital diplomacy in 2009–2020 through the lens of evolving innovative technologies]. *Manuscript*, vol. 14, no. 4, pp. 682–688. DOI: 10.30853/mns210141. (In Russ.)

9. Grishanina T.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya SShA i formirovanie obshchestvennogo mneniya v sotsial'nykh setyakh [U.S. digital diplomacy and shaping public opinion through social media]. In: Tsvetkova N.A., Boguslavskaya Yu.K., Grishanina T.A. (eds.). *Amerikanskie issledovaniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: Sbornik dokladov XXX Rossiisko-amerikanskogo seminara v SPbGU, 17–19 maya 2021 g.* [American studies at St. Petersburg State University: Collection of reports of the 30th Russian-American seminar, May 17–19, 2021]. Saint-Petersburg: Skifiya-print Publ., pp. 209–217. (In Russ.)

10. Zinov'eva E.S. 2013. Tsifrovaya diplomatiya SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoi bezopasnosti [U.S. digital diplomacy: Opportunities and threats to international security]. *Security Index*, vol. 19, no. 1 (104), pp. 213–228. (In Russ.)

11. Zonova T.V. 2015. Tsifrovaya diplomatiya v diplomaticheskoi i konsul'skoi sluzhbe [Digital diplomacy in the diplomatic and consular service]. *Journal of Law and Administration*, no. 3 (36), pp. 176–183. (In Russ.)

12. Zuikina K.L. 2014. Tsifrovaya diplomatiya Gosdepartamenta SShA: effektivnost' vozdeistviya na zarubezhnyu auditoriyu (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v Rossii) [American digital diplomacy: Effectiveness for foreign audiences (experience of sociological research in Russia)]. *Medi@lmanah Journal*, no. 3 (62), pp. 50–57. (In Russ.)

13. Kaufova I.B., Kaufova L.A. 2020. Kommunikativnye informatsionnye strategii tsifrovoi diplomatii Velikobritanii [Communicative information strategies in digital diplomacy of Great Britain]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 12, no. 5, pp. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192. (In Russ.)

14. Kravtsov K.S., Soboleva E.D. 2023. Akkaunty kitaiskikh posol'stv v sotsial'nykh setyakh kak instrument tsifrovoi diplomatii KNR v Afrike [PRC's digital diplomacy in social network accounts of Chinese embassies in Africa]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, vol. 48, no. 4, pp. 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.320. (In Russ.)

15. Kuznetsov N.M. 2020. Datafikatsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: diskurs o novykh tendentsiyakh tsifrovoi diplomatii [Datalization in international relations: Discourse on new trends of digital diplomacy]. In: Arkhipova O.V., Klimin I.I. (eds.). *Aktual'nye voprosy mirovoi politiki: Sbornik nauchnykh statei* [Relevant issues of the world politics: Digest of articles]. Saint-Petersburg, Nauchno-issledovatel'skii tsentr 'Peresvet' Publ., pp. 52–64. DOI: 10.46987/0920112020_52. (In Russ.)

16. Lebedeva O.V. 2019. Sovremennye instrumenty 'tsifrovoi diplomatii' kak vazhneishii element 'myagkoi sily' [Modern tools of 'digital diplomacy' as the most important element of 'soft power']. *The International Affairs*, no. 5, pp. 102–111. (In Russ.)

17. Lebedeva M.M., Zinov'eva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International negotiations in the digital age]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 23, no. 1, pp. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156. (In Russ.)

18. Marchukov A.N. 2014. 'Publichnaya diplomatiya 2.0' vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy razvitiya ['Public diplomacy 2.0' in foreign policy of the Russian Federation: Challenges and prospects]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 95–114. (In Russ.)

19. Marchukov A.N. 2021. Tsifrovaya diplomatiya Shvetsii: v poiskakh dialoga [Digital diplomacy of Sweden: In search of a dialogue]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181. (In Russ.)

20. Meshaal A. 2022. Neprekhodyashchee mesto smyagchayushchikh taktik v tsifrovom diplomaticheskom diskurse (analiz vystuplenii S. Lavrova i

B. Dzhonsona) [The enduring place of mitigative tactics within digital diplomatic discourse: Examining the speeches of S. Lavrov and B. Johnson]. In: Lukin D.S. (ed.). *Rol' i mesto lingvokul'turnoi adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskie strategii i taktiki: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The role and place of linguistic and cultural adaptation of a literary text in translation theory and practice. Translation strategies and tactics: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Engagement]. Moscow, MGOU Publ., pp. 167–173. (In Russ.)

21. Nikitina Yu.A., Taran K.K. 2021. Mirovye praktiki mediatsii v konfliktakh v tsifrovuyu epokhu [International practices of conflict mediation in the era of digital technologies]. *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (60), pp. 11–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-11-28. (In Russ.)

22. Novikov N.V. 2017. *Kommunikativnye strategii tsifrovoi diplomatii* [Communication strategies of digital diplomacy]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

23. Pavlyuchenko A.A. 2020. Informatsionnaya deyatel'nost' v Twitter-akkauntakh vneshnepoliticheskikh vedomstv Soedinennykh Shtatov Ameriki i Federativnoi Respubliki Germaniya v Velikobritanii v usloviyakh pandemii COVID-19 [Information activities on the Twitter accounts of the Foreign Ministries of the United States of America and the Federal Republic of Germany in the United Kingdom in the context of the COVID-19 pandemic]. *Russian Political Science*, no. 4 (17), pp. 28–37. (In Russ.)

24. Pavlyuchenko A.A. 2023. K voprosu o periodizatsii tsifrovoi diplomatii SSHa [On the periodization of U.S. digital diplomacy]. *Russian Political Science*, no. 3 (28), pp. 69–81. (In Russ.)

25. Pavlyuchenko A.A. 2024. Tsifrovaya diplomatiya vs kiberdiplomatiya: k probleme terminologii v akademicheskoi literature [Digital diplomacy vs cyber diplomacy: Issues of terminology in academic literature]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Serie: Political Science and Religion Studies*, vol. 50, pp. 99–109. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.99. (In Russ.)

26. Surma I.V. 2020. *Tsifrovaya diplomatiya* [Digital diplomacy]. Moscow, Sam poligrafist Publ. (In Russ.)

27. Surma I.V. 2014. Tsifrovaya diplomatiya v diskurse global'noi politiki [Digital diplomacy in the discourse of global policy]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (39), pp. 53–60. (In Russ.)

28. Sytnik A.N. 2021. *Tsifrovizatsiya i 'bol'shie dannye' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Digitalization and Big Data in international relations: Theoretical, methodological and applied aspects]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)

29. Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya SSHa v zerkale bol'shikh dannykh: uroki Venesuel'skogo krizisa 2018–2019 godov [U.S. digital diplomacy and Big Data: Lessons from the political crisis in

Venezuela, 2018–2019]. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 27, no. 2, pp. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16. (In Russ.)

30. Telen'ga M.P. 2020. Tsifrovaya diplomatiya SShA: istoriograficheskii obzor [To the question of the development of digital diplomacy in international relations]. *Americana*, no. 16, pp. 250–267. (In Russ.)

31. Tsvetkova N.A. 2020a. Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. *RSUH/RGGU Bulletin Series Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47. (In Russ.)

32. Tsvetkova N.A. 2020b. Tsifrovizatsiya publichnoi diplomatii SShA [Digitalization of U.S. public diplomacy]. In: Nemchinova T.S. (ed.). *Aktual'nye problemy mirovoi politiki: Ezhegodnyi al'manakh. T. 10* [Digest of world politics: Annual review. Vol. 10]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., pp. 432–443. DOI: 10.21638/11701/26868318.29. (In Russ.)

33. Tsvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital diplomacy and digital international relations: Challenges and new advantages]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 174–196. DOI: 10.21638/spbu06.2022.204. (In Russ.)

34. Zinov'eva E.S. (ed.). 2024. *'Tsifra' i iskusstvennyi intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskii doklad* ['Digit' and artificial intelligence in the service of diplomacy: Analytical report]. Moscow, Izdatel'stvo 'MGIMO-Universitet' Publ. (In Russ.)

35. Sharikov P.A. 2023. Evolyutsiya publichnoi diplomatii SShA: vnutripoliticheskie determinanty, priority i novye vyzovy [Evolution of US public diplomacy: Domestic political determinants, priorities and new challenges]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187. (In Russ.)

36. Shakhud Z. 2020. *Rol' informatsionnykh tekhnologii vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii v arabskom mire* [The role of information technologies in the foreign policy of the Russian Federation in the Arab world]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)

37. Shur E.A. 2021. Amerikanskaya tsifrovaya diplomatiya v Indii pri Dzh. Bushe-mladshem i B. Obame [American digital diplomacy in India under G.W. Bush and B. Obama]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 72–80. (In Russ.)

38. Bjola C., Holmes H. 2015. *Digital diplomacy: Theory and practice*. New York, Routledge.

39. Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S. 2021. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language

accounts. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 26, no. 26, pp. 274–290. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-274-290.

40. Dizard W.P. 2001. *Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age*. Westport, Praeger.

41. Hocking B., Melissen J. 2015. *Diplomacy in the digital age*. The Hague, Netherlands Institute of International Relations Clingendael.

42. Jacobson B.R., Höne K.E., Kurbalija J. 2018. *Data diplomacy: Updating diplomacy to the big data era*. Geneva, DiploFoundation.

43. Manor I. 2019. *The digitalization of public diplomacy*. Cham, Palgrave Macmillan.

44. Tsvetkova N.A. 2020. Russian digital diplomacy: A rising cyber soft power? In: Velikaya A.A., Simons G. *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 103–117.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024;
одобрена после рецензирования 23.12.2024;
принята к публикации 08.01.2025

The paper was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 08.01.2025